18+

Тот Самый день

БОЛЬШИЕ ИСТОРИИ НАЧИНАЮТСЯ С ПРОСТЫХ ДНЕЙ

КОГДА ВСЁ СТАНОВИТСЯ НА СВОИ МЕСТА

Сборник рассказов

Сергей Кулагин

Сборник рассказов «Тот самый день»

«Издательские решения»

Кулагин С.

Сборник рассказов «Тот самый день» / С. Кулагин — «Издательские решения»,

Перед вами двадцать третий сборник рассказов литературного сообщества «Леди, Заяц & К». В нём собраны произведения авторов, принявших участие в тематическом конкурсе «Тот самый день». Читайте, наслаждайтесь — в сборнике интересные рассказы.

© Кулагин С.
© Издательские решения

Содержание

СБОРНИК РАССКАЗОВ 6
Евгения Зимина 8
Григорий Родственников 11
Иван Густов 21
Вячеслав Слесарев 24
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Сборник рассказов «Тот самый день»

Составитель Сергей Кулагин
Редактор Сергей Кулагин

© Сергей Кулагин, составитель, 2026

ISBN 978-5-0071-5594-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СБОРНИК РАССКАЗОВ «ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ»

От составителей

Перед вами двадцать третий сборник рассказов литературного сообщества «Леди, Заяц & К». В нём собраны произведения авторов, принявших участие в тематическом конкурсе «ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ».

Сердечно благодарим подписчиков сообщества и участников конкурса за отзывчивость, креативность и поддержку. Отдельная признательность — читателям, которые продолжают следить за нашим сообществом и вдохновляют на новые проекты.

Сборник посвящается современной российской писательнице Евгении Зиминой. Её истории дарят смех, тепло и веру в чудеса.

Отдельная благодарность Сергею Садову за отличную обложку.

Читайте, наслаждайтесь — в сборнике интересные рассказы.

С Уважением, редакция Литературного сообщества «Леди, Заяц & К»*:* Сергей Кулагин, Григорий Родственников, Денис Моргунов, Татьяна Осипова, Дмитрий Королевский, Дмитрий Зайцев.

Евгения Зимина

Евгения Зимина
ЗИГФРИД

В тот день, когда мы познакомились с Зигфридом… Впрочем, я немного забегаю вперёд. Давайте я расскажу сначала о дне, когда была ярмарка.

Если вы учились в школе в то же время, что и я, вы точно знаете, что такое школьная ярмарка. Связанные крючком салфеточки, старательно нарисованные картинки, слегка подгоревшее печенье и прочие самоделки выставлялись на продажу, чтобы собрать денег на нужное и благородное дело. Не помню, на что именно мы собирали в тот раз. Возможно, на сладости для подшефного детского дома. Чаще всего продаваемые вещи были совершенно бесполезны. Правда, фанерные лопаты для снега, которые мальчишки делали на уроках труда, пользовались огромным успехом: за ними приходили жители всех окрестных деревянных домов. Девчонкам приходилось хуже. От нас требовали выдумки. За неделю до ярмарки школа начинала кипеть. Учителя постоянно спрашивали, что мы сделаем, а мы лихорадочно придумывали, что же такое грандиозное мы сделаем, хотя все прекрасно понимали, что очередные кухонные прихватки или склеенные из спичек домики вряд ли претендуют на грандиозность. Впрочем, домики можно было эффектно поджечь за школой, поэтому их часто скупали сами ученики.

Лично у меня руки всегда росли не из того места. Но мне посчастливилось раздобыть кусок искусственного меха, из которого я умудрилась сделать три относительно приличных очечника. Очки, сопровождавшие меня с детства, были для меня актуальной темой. Поэтому я представила очкарика, чей зрительный прибор избежал печальной участи быть раздавленным или разбитым только потому, что был надёжно спрятан в меховом белом очечнике с коричневыми полосами, героически сделанном мной в трёх экземплярах: меха хватило на целых три! Я вдохновилась этой картиной и быстро сварганила три пристойных, как мне казалось, чехла. Один из этих очечников до сих пор у меня: его тогда купила моя мама, что косвенно свидетельствует о его качестве. Впрочем, редкие изделия на ярмарке были по-настоящему красивы: ещё не наступили времена, когда родители ночами корпели над поделками и домашками, чтобы любимое чадо не ударило в грязь лицом.

Я сдала свои очечники классной руководительнице, которая раскладывала вещи на столе нашего класса, назначила цену и присоединилась к группе хихикающих одноклассниц. Они стояли рядом со столиками начальной школы, и сразу было понятно, над чем они смеются. Там, на краешке стола, сидел… чёрт. То есть, сначала казалось, что чёрт. Но присмотревшись, можно было сообразить, что это сшитый из лоскутков кот. Глаза из разных бельевых пуговиц вызывающе смотрели на окружающий мир. Одно ухо торчало в сторону. Лапы были разными как по длине, так и по толщине, как руки у английского короля Ричарда Третьего в интерпретации Шекспира, о чём нам недавно рассказывали на факультативе по литературе. Хвост удручал своей комковатостью.

Рядом с чёртообразным котом стояла девочка-второклассница: голова опущена, волосы заплетены в растрепавшуюся косу, фартук мятый. Девочка постоянно теребила этот фартук. Стоявшая рядом учительница посматривала на девочку с чувством холодного презрения и брезгливости.

И тут к нашей группе подкатила Анька Воробьёва. Анька была звездой класса. Она неплохо училась, но была взбалмошной, сумасбродной и жутко языкастой. После восьмого класса она не собиралась оставаться в школе, чему многие учителя были втайне рады.

— Чего ржём? — спросила она.

Мы, сдерживая хихиканье, кивнули на лоскутного уродца. Анька долго вглядывалась в разные пуговицы на косой мордочке, а потом подошла к столу и спросила так, что услышал её, кажется, весь зал:

— Это ты кота сшила?

Девочка кивнула, продолжая смотреть в пол.

— А сколько ты за него просишь?

Девочка взяла кота и вцепилась в него обеими руками.

Тут мы заметили, что ценника рядом с котом нет. Учительница подмигнула Аньке и закатила глаза, но Анька никак не отреагировала.

— Ну? Сколько?

— Двадцать копеек, — прошелестел голос.

— Двадцать копеек? За этого кота? Ты с ума сошла! Да такого кота за целый рубль продать можно!

Девочка медленно подняла голову. В её глазах был страх предстоящего позора и унижения. Она уже всё поняла про своего кота: поняла из хихиканья старшеклассниц, из презрительного взгляда учительницы. Но Анька, покопавшись в кошелёчке, выудила оттуда самый настоящий мятый жёлтый рубль, показала его девочке и положила рубль в коробку для выручки. Было совершенно очевидно, что ни за одну поделку, сделанную учениками начальной школы, больше полтинника никто не даст.

Мы стояли в ступоре. Аньку воспитывала только бабушка, а рубль по тем временам был для девочки-подростка совершенно волшебной вещью: он мог обернуться заколками, лентой, красивой ручкой, билетом в кино, да и просто полноценным обедом в школьной столовой.

Анька взяла из рук сияющей девочки кота, прижала его к себе, а потом засунула в глубокий карман своего фартука так, что высовывалась только уродливая морда и передние лапы.

— Зачем он тебе? — шёпотом спросили мы, хотя, в принципе, это было ясно. Воробьёва пожалела девочку, но отдать рубль… С тем мы и разошлись.

Но если вы думаете, что дело этим закончилось, то ошибаетесь.

На следующее утро кот восседал на Анькиной парте. Учитель истории, войдя в класс, долго моргал, а потом спросил:

— Что это, Аня?

— Это Зигфрид. Зигфрид Воробьёв. Я купила его на ярмарке.

— А почему Зигфрид?

— Потому что он Зигфрид. Вот как его ещё назвать? Он на пленного немца похож, как в кинохронике, что мы на той неделе смотрели. Я посмотрела — вылитый Зигфрид.

— А почему не Фриц? — спросил кто-то.

Анька закатила глаза.

— Ты пожалела пленного немца? — изумился кто-то другой.

— Да не немца, болван, а девочку! — Анька помолчала, а потом добавила:

— Бабушка говорит, они нас не жалели. И когда пленных в Иваново пригнали, женщины в них сначала камнями кидали, а потом смотрят, какие они страшные все, жалкие, грязные. И женщины наши стали их подкармливать, хотя у самих с едой плохо было.

— Зачем же подкармливали?

— А потому, бабушка говорит, чтобы они узнали, что такое милосердие. Ведь они вообще раньше не знали, что это. Бабушка думает, что у них в языке даже слова такого раньше не было.

А поскольку мы все изучали английский, опровергнуть или подтвердить мнение Анькиной бабушки никто не мог. Теперь, конечно, я знаю, что в немецком языке есть такое слово, но сдаётся мне, что бабушка не о языковых лакунах тогда говорила…

Мы тогда посмотрели на учителя истории, но то ли у него с немецким тоже туго было, то ли ещё что, но он только сказал:

— Да, мы не из таких, которые кричат «Vae victis!»

— А что это?

— Римское изречение. На латыни. Означает «Горе побеждённым».

— А зачем ты этого убогого в школу притащила? — опять спросил кто-то.

— Сам ты убогий! Это не кот, а шедевр!

— Аня, — сказал учитель истории, — почему это?

Учителю Анька обидно ответить не решилась.

Она встала, вышла к доске с Зигфридом в руках и принялась воодушевлённо объяснять:

— О-о-о-о-о! Вы все не понимаете. Сшит он, конечно… кхм… хре… то есть, неважно. Но девочка пока просто шить не умеет. Главное — не это. Он сделан знаете как? С любовью! Вот смотрите, почему глаза такой толстой ниткой пришиты? Потому что девочка хотела, чтобы они плотно сидели и не оторвались. А вот этот прямоугольник на боку? Это же полоска! А в уши смотрите, она ему розовую тряпочку вшила. Плохо вшила, криво, но ведь у кошки ухо внутри розовое? Розовое! Вот она его так и сделала. А вот эти нитки на лапах? Во, смотрите, ща расправлю. Это же коготки! Эта девчонка — гений! Она научится шить! И материал подбирать научится! Она же такая внимательная! И к делу подошла с выдумкой. Нам же учителя говорят, чтоб с выдумкой на ярмарку вещи делать. Вот и выдумка. Ей только показать надо, как правильно сделать. Это ж клёвый кот!

На перемене мы было попытались продолжить разговор о Зигфриде, но Анька мотнула головой.

— Мне надо к Красной Гвоздике.

И Анька пошла на перемену, посадив Зигфрида в карман фартука, а мы стояли, ошеломлённые её логикой, в которой смешались бельевые пуговицы-глаза и пленные немцы. Никто не спросил, что ей нужно было от Красной Гвоздики, учительницы домоводства — к ней девчонки часто бегали за советом по поводу рецептов, воротничков, фартуков. А прозвище она получила, потому что перед праздниками мы под её командованием делали красные гвоздики и украшали ими транспаранты.

Учитель истории, который тоже слушал про шедевральность Зигфрида и, кажется, тоже был готов поговорить ещё, сказал каким-то насморочным голосом:

— Да это и не пленный немец вовсе, а Зигфрид-Драконоборец.

— А кто это?

— А вот это, — коварно сказал учитель истории, — можно в библиотеке найти.

И за неделю в классе не осталось ни одного человека, который не знал бы о Зигфриде-Сигурде.

Анька же постоянно таскала Зигфрида в кармане и цепляла ему на шею разные банты. Сначала все удивлялись, потом привыкли. Слава о Зигфриде разнеслась по всей школе. Маленькую девочку, которую я уже и не помню, как звали, вдруг записали в школьный кружок кройки и шитья, которым руководила Красная Гвоздика, и, наверное, впоследствии свет увидели младшие братья Зигфрида, только лучше и краше.

И теперь, когда мне случается поймать себя на мысли, что я с пренебрежением отношусь к чьим-то усилиям, я вспоминаю тот день, когда мы познакомились с Зигфридом Воробьёвым. Смешным, нелепым Зигфридом, в котором моя одноклассница, в отличие от нас, смогла разглядеть любовь, милосердие и гениальную задумку. Смогла увидеть шедевр в розовых косых ушах и разных пуговицах глаз сшитого из тряпок кота. И превратила его для нас из жалкого «пленного немца» в победителя дракона.

Григорий Родственников
МУТНЫЙ, ВЕДЬМА И НЕУДОБНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Спина болела немилосердно. Лесная дорога напоминала застывшие морские волны. Копыта жеребца постоянно проваливались в ямы, и Дайк Вентура шипел от нестерпимой муки. Старая каурая кобыла, Матильда, была умна, ступала аккуратно и чинно, а этот молодой вороной прыгает как заяц.

Жаль старушку — околела неделю назад. Вороной достался ему в подарок от богатенького вельможи. Тот так обрадовался убийству кровника, что вместе с мешочком серебра пожаловал и коня. Жеребец был с норовом, а потому хозяин легко с ним расстался.

Быстро темнело. Вентура вглядывался в разлапистые ели по обе стороны дороги единственным левым глазом. Правый был завязан чёрной атласной лентой.

Волки особенно и не скрывались. Дайк насчитал восемь штук. Возможно, серых было больше. Тощие, длинноногие. С горящими голодными глазами. Дайк их не особо опасался. Широкий меч в потёртых ножнах — лучшая защита.

Вороной снова оступился, и Вентура взвыл от боли и ярости.

Захотелось вернуться назад и прикончить знахаря, который уверял, что его мазь творит чудеса. Отвалил за вонючий белёсый кисель аж три полноценные серебряные гаты. Боль действительно отпустила, но всего на четыре часа. А затем навалилась с такой силой, что оставалось только скрежетать зубами.

— Клянусь святой Егидой! — прошипел наёмник. — Ради этого я нарушил бы принципы и убил бы тебя, коновал, бесплатно.

Один из волков настолько осмелел, что выскочил наперерез коню.

Вентура громко, по-разбойничьи, свистнул, и серый хищник драпанул обратно в кусты.

Чужаков Дайк почувствовал ещё издали. Похоже, сработал инстинкт воина.

Впереди на дороге застыли две фигуры. Люди. Стоят спокойно, широко расставив ноги. Этих свистом не испугаешь.

Вентура медленно ехал прямо на них, пристально разглядывая незнакомцев. То, что это разбойники, не вызывало сомнений. Кому ещё быть на лесной дороге в такое время.

Одному, как и Дайку, за сорок. Одет в крестьянскую рубаху до колен, в руках копьё с зазубренным наконечником, за кушаком топор. Второй — молодой, но одеянием богаче. Одна бронь чего стоит — стёганая кожаная куртка с медными бляхами. Сапоги тоже хороши — свиные мягкие.

— Стоп! — поднял руку молодой. — Приехал!

Вентура остановил вороного, равнодушно разглядывая грабителей.

— Откуда путь держишь, одноглазый? — с ухмылкой спросил молодой.

— А тебе не всё равно? — лениво протянул Дайк. — Грабить собрались — грабьте.

— Понятливый, — хохотнул в косматую бороду другой бандит. — Тогда слезай. Жалко будет такой коняге ноги перешибать.

— И то верно, — покладисто согласился наёмник и спрыгнул на землю. Лениво вытянул меч из ножен.

— Ах вот ты как, — вздохнул молодой. — Зря. Мог бы жить.

— Да и вы, ребята, могли жить.

Бородатый метнул копьё неожиданно, но Дайк был готов. Увернулся. Древко лишь скользнуло по плечу, с визгом пронеслось прочь, где-то позади глухо ударилось о сухую землю. А Вентура в длинном прыжке коротким расчётливым уколом поразил противника в пах. Бородатый истошно завопил и покатился по земле, зажимая окровавленными руками низ живота.

— Ах ты! — взревел молодой, обнажая клинок. — Изрублю, тварь!

Драться он умел. Дайк сразу понял это. Они с минуту кружили, осыпая друг друга ударами, потом Вентура решил, что глупые пляски пора заканчивать. Он нанёс противнику резкий удар сверху, и когда тот подставил меч, левой рукой ткнул его под рёбра. Молодой замер. Скосил глаза и увидел, как одноглазый противник небрежно тянет из его тела длинный, узкий кинжал. И по лезвию стекает тёмная кровь, его кровь.

Оба разбойника лежали на земле. Молодой с бледным лицом зажимал пятернёй рану в боку и тяжело дышал. Его приятель громко стонал и закатывал глаза.

— Хватит орать! — прикрикнул на него Вентура и врезал каблуком в лоб. Бородач затих.

— Убей меня, — попросил молодой.

— Не, — покачал головой Вентура, — не могу. У меня принципы — убивать только за деньги. Заплати — убью.

— Нет денег, — вздохнул парень.

— Тогда извиняй.

— Я же тебя найду… потом.

— Это вряд ли, — покачал головой Дайк. — С такими ранами не выживают. Я же тебя в печень ткнул. Часа три протянешь. Но трёх часов у тебя не будет — волки рядом.

— Ну, ты и сволочь, — скривился парень.

— Сволочь, — равнодушно согласился наёмник. — Но я зарабатываю железом, а ты грабишь путников. У меня есть принципы, а у тебя?

Парень помолчал, потом неожиданно спросил:

— Может, договоримся?

— О чём?

— Хочу купить свою смерть и смерть друга. Возьми мою бронь?

— Мне она мала.

— Продашь.

— Я не торгаш.

Вентура задумался:

— Покупаю информацию. Кто может в этих краях заплатить за убийство?

— А я тебя знаю, — неожиданно улыбнулся разбойник. — Одноглазый, со шрамом на левой щеке, и с дурацкими правилами. Тебя зовут «Мутный»…

Вентуре не нравилось его прозвище, но он почувствовал нечто похожее на гордость. О нём слышали в этом богом забытом краю. Это приятно.

— Тебе заплатит бургомистр Ольреда за смерть ведьмы, — сказал парень. — Хорошо заплатит. Он уже год не может с ней разделаться. Я не вру…

— Ведьма, говоришь, — задумался Дайк, — сомнительно. Ладно. Уговорил.

Кинжал сверкнул в свете выплывшей из-за сосен луны и вонзился разбойнику под подбородок. Вентура провернул лезвие в ране, извлёк его и направился к другому разбойнику.

Неподалёку выли волки, испуганно всхрапывал вороной. Ныла старая рана в спине.

Вентура оглянулся на мертвецов. У молодого дорогие свиные сапоги, да и бронь…

Но он только махнул рукой:

— Принципы, ребята. Принципы.

Судя по всему, городишко недалеко. Предстояло ещё найти место для ночлега.

* * *

Бургомистра он решил навестить утром.

Город оказался даже меньше, чем предполагал Дайк. Он видел деревни раз в десять значительнее этого Ольреда. Всего две улицы, на которых приземистые домишки лепились друг к другу, как скверные болезнетворные наросты.

Ратуша — деревянная, двухэтажная, с облупившейся краской на ставнях. Перед крыльцом — грязная лужа, в которой отражалось серое небо. Над дверью висел герб: щит, на нём — то ли лебедь, то ли гусь с перебитым крылом.

Под гербом скучал стражник. Небритый конопатый парень, алебарду он прислонил к стене и с интересом наблюдал за стайкой тощих мальчишек. Те играли в кости. Чумазые, оборванные. Кости были бараньи, с мослами, с которых явно совсем недавно тщательно, до блеска сгрызли мясо.

— А туда ли я приехал за деньгами? — пробормотал Вентура. Привязал вороного к перилам и решительно направился к лестнице.

Стражник нехотя взял в руки алебарду, загородил дверь.

— Куда? — голос простуженный и тихий.

— Если это магистрат, то к бургомистру, — ответил Дайк.

— Завтракает, — хмуро сказал солдат. — Через полчаса подходи.

— Сынок, у меня нет времени, — почти ласково произнёс наёмник. — Бургомистр ждёт меня. — При этом его ладонь опустилась на рукоять меча.

Стражник заметил это и напрягся. Потянулся к свистку, висящему на шее, но, увидев недобрую усмешку в единственном глазе посетителя — передумал. Шагнул в сторону.

— Ну… раз ждёт…

В кабинете бургомистра было жарко — топили так, что дышать нечем. На столе — пирог с мясом, кувшин с вином, миска с фруктами (свежими, не сушёными). Зелень и сыр.

«Похоже, бараньи кости тоже с этого стола», — подумал Дайк.

Бургомистр сидел в широком кресле, которое под ним протяжно стонало и скрипело.

Отец города был стар, лыс и толст.

Не просто толст, а неприлично жирен. Щёки свисали, подбородков три, пальцы как сосиски. Пухлые губы лоснились. Живот упирался в столешницу. При каждом вздохе кружевная рубашка трещала по швам.

На лбу — родинка. Крупная, мясистая, с торчащими во все стороны чёрными волосками.

«Святая Егида! Да в этом ходячем окороке пятьсот фунтов живого веса», — с неприязнью подумал Вентура. Контраст градоначальника с убогостью подведомственной ему муниципальной собственности был разительным.

Дайк даже удивлённо присвистнул.

Старикашка поднял на него маленькие водянистые глазки и с набитым ртом поинтересовался:

— Чего надо?

— Пришёл пожелать вам приятного аппетита.

— Чего-чего? — недовольно нахмурился бургомистр.

— Я говорю, ведьмы у вас шалят. Могу помочь.

Жирдяй вытер губы салфеткой и погрозил Вентуре пухлым сосисочным пальцем:

— Я ведь тебя знаю, парень. Мы встречались у короля, давно. Прозвище у тебя дурацкое, — старик наморщил лоб, вспоминая: — Блёклый, Скользкий… Тусклый…

— Мутный, — подсказал Дайк.

— Точно! — засмеялся бургомистр, все три подбородка затряслись. — Ты же убиваешь за деньги. И репутация у тебя хорошая. Помню, ты даже королю помог прикончить Хруля Чёрного. А ведь сильнейший колдун был. До тебя никто не сумел.

— Было дело, — скромно улыбнулся Вентура. Он тоже вспомнил жирдяя, тот вертелся возле королевского трона. Правда, тогда он не был таким толстым и старым. Чему удивляться — прошло почти двадцать лет. А у хозяина Ольреда хорошая память.

— Ты вовремя приехал. Я как раз послал главного егеря с командой сжечь ведьму со всеми потрохами. Только боюсь — не справится. Ты им подсоби…

— А она точно ведьма? — спросил Дайк, буравя толстяка цепким чёрным глазом. — А то были у меня случаи…

— Натуральная! — громко вскричал старик. — Нервов мне попортила изрядно! Опасная, злющая, сильная. Да ты сам можешь убедиться. У главного егеря очки специальные. Смотришь и видишь сквозь стёкла, как от неё светящиеся молнии во все стороны ползут.

— Волшебные очки? — удивился Дайк. — Такие штуки запрещены священной инквизицией…

— Да нет! — замахал руками бургомистр. — Не волшебные! Королевские умельцы разработали. Говорят, точная наука и ни капли магии. Я в этом не разбираюсь, но раз король прислал — значит, вещица чистая.

— Я готов, — сказал Дайк. — Что по оплате?

— Не обижу! Плачу сто серебряных гат!

Вентура удовлетворённо кивнул:

— Прикажете привезти её голову?

— Не, — брезгливо поморщился старик, — не надо. А вот прядь её проклятых волос срежь.

— Понял. Половина суммы сейчас.

* * *

Ведьма жила в деревне, которая находилась в двадцати милях от Ольреда. И деревня эта показалась наёмнику даже крупнее самого города. Искать нужный дом не пришлось: вокруг него толпились люди с факелами. Заливались лаем собаки, громко мычали коровы, ржали кони, а народ выкрикивал оскорбления в адрес ведьмы.

Похоже, толпой руководил тощий субъект в широкополой шляпе. На его носу красовались круглые очки с зелёными стёклами. Видимо, это и есть тот главный егерь, о котором говорил бургомистр.

— Чего встали?! — вопил тощий. — Подходите со всех сторон и бросайте факелы под стены. Всех она не заколдует! Надо разом! Ну чего стоите, бараны?!

Но мужики не спешили: переглядывались, пожимали плечами. Ближе чем на пятьдесят шагов к дому подходить не решались.

Вентура не боялся колдовства: он давно выяснил, что на него ведьминские наговоры не действуют. Почему так было, он особо не задумывался. Не действуют, и всё. Потому его и нанимали убивать этих вражин.

Дайк громко свистнул, привлекая к себе внимание.

На него обернулись.

— Я здесь по поручению бургомистра, — крикнул наёмник. — Разойдитесь в стороны и дайте дорогу!

И тут произошло то, чего Вентура никак не ожидал.

Главный егерь вдруг заорал дурниной и ткнул в его сторону пальцем:

— Смотрите! Это колдун! Он приехал спасти ведьму! Бейте его, мужики!

Толпа замерла.

— Я сказал: бейте его! — рычал тощий. — Именем короля! Награда от бургомистра! — Он потряс в воздухе серебряным значком.

— Смерть колдуну! — понеслось со всех сторон.

— На вилы ведьмака!

— Порвать одноглазого чёрта!

Толпа с улюлюканьем кинулась на Вентуру. Кто-то ухватил вороного за узду, кто-то пребольно огрел наёмника дубиной.

— По больной спине! — взревел Дайк, свирепея. — Да я вас сейчас на ленточки порежу! Прочь, мерзавцы!

Но противников было слишком много. Облепили словно муравьи зазевавшегося шмеля. Какой-то здоровенный, как медведь, крестьянин прыгнул сверху, и вороной не устоял — повалился на бок с протяжным ржанием. Дайк выпрыгнул из седла, на ходу выдёргивая меч. Врезал здоровяка плашмя клинком по голове. Глаза бородатого громилы сошлись к переносице, а сам он ткнулся лицом в землю.

Вентура отскочил в сторону и бешено завертел мечом. Толпа отхлынула.

Однако праздновать победу было рано. В него полетели факелы, глиняные горшки, вилы.

От большинства он увернулся, что-то из опасных колющих и режущих предметов отбил мечом, но не увидел летящего в голову топора. Калёный почерневший обух с глухим мясным ударом врезался в затылок и погрузил наёмника в тёмную зыбкую бездну.

* * *

Очнувшись в первый раз, решил, что лежит в гробу. Над ним медленно кружились почерневшие доски. Сфокусировать взгляд не получилось — он вновь потерял сознание.

Во второй раз Дайк понял, что видит над головой деревянный потолок, с него свешивались пучки каких-то растений, сушёных цветов и веток; пахло разнотравьем. Он попытался рассмотреть подробнее, но затылок неожиданно пронзила острая боль, а к горлу подкатила тошнота. Со стоном он зажмурил единственный глаз и вновь провалился в беспамятство.

В третий раз было лучше. Он понял, что лежит на кровати в каком-то доме. Потрогал голову и обнаружил повязку. В области затылка тряпка была шершавой и заскорузлой. Похоже на засохшую кровь.

Дайк вспомнил, как на него напали жители деревни, подстрекаемые типом в широкополой шляпе. А ещё у того были очки с зелёными стёклами. Почему он назвал его колдуном?

Вентура огляделся. Дом просторный, добротный. А судя по всяким травам на стенах и под потолком, тут живёт лекарка или знахарка… И тут его осенило — ведьма! Он в доме ведьмы!

Дайк попытался встать, но тело вновь пронзила боль. Болела не только голова, но и многострадальная спина. Казалось, позвоночник жгли огнём.

— Святая Егида, — прошептал наёмник. — Мне что, перебили все кости? Я калека? Я бесформенный неходячий мешок?

— Тебе не стоит разговаривать, — послышался женский голос откуда-то сбоку. Вентура повернул голову и увидел невысокую пожилую женщину. Лет семьдесят на вид, но с прямой осанкой. Волосы седые, но собраны в аккуратную причёску, коса оплетает лоб — по моде местных крестьянок. Одета не богато, но опрятно. Правда, местные предпочитают яркие туники и платья, а на этой тёмный хангерок.

Она протянула ему деревянную плошку с какой-то жидкостью:

— Выпей.

Сказала тихо, но твёрдо.

Вентура протянул к плошке руку, но старуха покачала головой:

— Разольёшь. Я сама напою тебя.

Жидкость была приятна на вкус. Холодила горло и пахла мёдом.

Он хотел спросить, что это, но накатила слабость, и он уснул раньше, чем успел допить снадобье.

Когда он проснулся — сквозь прикрытые ставни заглядывало солнце.

Женщина сидела рядом на табурете, в руках миска. Пахло чем-то очень вкусным. Вентура ощутил волчий голод.

— Проснулся? — голос у неё был тихим и ласковым. — На, поешь.

Дайк приподнялся и тут же рухнул обратно, заскрежетал зубами.

— Что у тебя со спиной? — нахмурилась женщина.

— Болит проклятая, сил нет.

— Давно?

— Порядком. С тех пор, как меня угостили стрелой из арбалета.

— Позже посмотрю. Ешь, — она принялась кормить его с ложечки. И Дайк представил себя больным ребёнком, которого потчует вкусной кашей любимая матушка. Вот только своей матери Вентура не знал. Он вырос в приюте для сирот.

Каша была отменной, но после неё опять захотелось спать.

Сквозь сон он ощущал, как заботливые руки смазывают рану чем-то остро пахнущим, меняют повязку на голове. И улыбался…

На третий день Дайк спросил напрямик:

— Ты ведьма?

Женщина грустно усмехнулась:

— Ведьма.

— Ты знаешь, зачем я здесь?

— Знаю. В твоих одеждах я нашла кошель с деньгами. На нём монограмма «К» и «П» — Карлос Перегрин… Бургомистр.

— У меня принципы. Если я взял деньги — обязан выполнить заказ.

— Поговорим об этом позже. Давай посмотрим твою спину.

— Подожди, — остановил её Дайк. — Почему деревенские напали на меня?

— Потому что ты тоже ведьмак…

— Что?! — От неожиданности Вентура подскочил на кровати и скривился от боли. — Я не ведьмак! Я не умею колдовать! Я убиваю мечом!

— Я тоже не знала, что ведьма, пока мне не сказала об этом матушка. Королевские очки показали твою истинную сущность. В тебе есть ведьмачья сила, а научиться ворожить — дело наживное. Надо лишь знать заклинания.

— Проклятье, — прошипел Дайк. — Значит, все годы я охотился на себе подобных. Ты хоть знаешь, сколько ведьм и колдунов я спровадил в ад?

Ведьма не ответила. Она смотрела куда-то в сторону, потом сказала:

— Давай посмотрим твою спину.

Лёжа на животе, Вентура напряжённо размышлял:

«Она спасла меня. Чем-то отпугнула охотников. Наверное, использовала свою ведьминскую силу. Кормит меня, перевязывает раны. Ощупывает спину. Какие у неё тёплые, ласковые руки. Я не хочу убивать её. Но у меня жизненные принципы. Я сам установил их и придерживаюсь всю жизнь. Если отступлюсь — потеряю себя. Не будет Дайка Вентуры, не будет человека, которого уважают за данное слово. Все знают — слово Мутного закон. Мутный не может нарушить обещания. Не может не выполнить заказ. Лучше смерть, чем утрата жизненных принципов».

Странно, но после монолога с самим собой — Дайк успокоился. Лежал и мрачно улыбался.

— Надо резать, — сказала ведьма.

— Резать? А я думал, ведьмы способны прогнать любую хворь наговорами…

— Ведьмы не всесильны. Конечно, я использую наговоры. Но осколок позвонка нужно удалить. Тебе не будет больно. А заклинания помогут ране быстро затянуться.

Ему действительно не было больно. Только холодно, когда острое лезвие кромсало плоть.

«Как странно, — размышлял Дайк, — я, оказывается, колдун, который не умеет колдовать…»

— Послушай, — обратился он к ведьме, — я не спросил, как тебя зовут? Меня зовут Дайк.

— Я знаю, кто ты. А я Виттория, можешь звать матушка Витта.

— Матушка, — хмыкнул Дайк, — ладно.

— Давно нужно было резать. Осколок сильно оброс. Но ты не бойся, я несколько лет работала помощницей костоправа. Сама проводила несложные операции.

— Ведьма-костоправ. Звучит обнадёживающе.

— Готово. Теперь замри, я буду творить заклинание.

Она что-то зашептала. Вентура пытался разобрать слова, но не смог. Язык был незнакомый.

Потом Виттория прилепила к спине Дайка какой-то широкий листок неизвестного растения, похожего на лиловый лопух, и велела поворачиваться.

Вентура осторожно потёрся спиной о набитый травой тюфяк, служащий ему матрасом, и довольно хмыкнул — боли не было. Правда, было ощущение, что спина одеревенела.

— Тебе нужно уснуть, — строго сказала ведьма. — Сон довершит заклинание.

— Так усыпи меня. Ты же колдунья.

— Нет. Сам. В этом смысл.

— Сам так сам, — не стал спорить Дайк. Он закрыл глаза и попытался уснуть. Но спать не хотелось. Спина была словно чужая, и это беспокоило наёмника. «Кто знает, что она нашептала…»

— Не хочешь, — вздохнула Виттория и положила ему на лоб сухую прохладную руку, — я знаю способ. Расскажу сказку. А ты слушай и засыпай.

— Жила-была на свете юная девушка. Не красавица, но и не уродина. И мечтала она о простом женском счастье.

Она говорила тихо и напевно. Но странное дело, Дайк совершенно забыл о своей спине и жадно вслушивался в каждое слово.

Тогда она не понимала, что уже была счастлива. У неё были любящие родители. Хороший дом, мирная жизнь и хлеб с большой кружкой морса. Но девушке хотелось большего. Она не была дурочкой и не грезила о принце на белом коне. Ей нравился паренёк из гильдии кузнецов, по имени Михаэль. Широкие ладони, тихий смех и привычка поправлять прядь, упавшую ей на лицо. Она молилась, чтобы он позвал её замуж. И однажды святая услышала её молитвы. Михаэль пришёл свататься к ним в дом. Родители были не против. Сыграли свадьбу, а вскоре у молодых родился сын. Крепкий бойкий малыш. Вот тогда и наступило настоящее счастье. Но было оно недолгим. Король со свитой прибыл в их город. Монарх слыл добрым юношей, ему хотелось знать, как живут его подданные. Он заходил ко всем подряд и спрашивал, довольны ли они жизнью. Король дарил подарки, обнимался с подданными и сулил им сытую безоблачную жизнь. Да, он был добр. Но в его свите нашлись злые люди. Таким был постельничий монарха, надменный толстяк с уродливой родинкой на лбу. Он смотрел на девушку так, что у неё холодело сердце. Его не смущало, что она уже год была замужем. Он хотел обладать ею. Отец пожаловался королю, и тот обещал разобраться. Но через неделю их дом сгорел. Отец вынес девушку на руках — сам обгорел, лёгкие пропитались дымом. Умер через три дня. Перед смертью прошептал: «Беги. Он не остановится».

А потом случилась новая беда. Михаэль узнал, кто сжёг их дом. Пришёл к постельничему один. Хотел поговорить по-мужски. Его нашли наутро в реке — с пробитой головой и связанными руками.

Девушка плакала три дня. На четвёртый они с матерью собрали пожитки, узелки с едой и ушли в лес. Построили хижину. Там мать призналась: «Я ведьма. И ты ведьма. Только не знаешь об этом. Сила спит в тебе, как зерно в мёрзлой земле».

Постельничий нашёл их через месяц. У него были королевские ищейки, очки, видящие ведьм, и доносчики в каждой деревне.

Мать погибла, прикрывая побег. Сожгли её на поляне при большом стечении народа. Девушка видела это из кустов — и не могла закричать. Потому что на руках у неё спал младенец.

Она ушла. Долго скиталась. А потом она открыла книгу, подаренную матерью. С того дня она стала ведьмой.

Виттория ещё говорила, когда Дайк захрапел. Ведьма вздохнула, посмотрела на спящего долгим тоскливым взглядом и ушла заниматься хозяйством.

* * *

Новый день выдался солнечным и тёплым, но в душе Дайка царил могильный мрак. Спина не болела, рана на затылке полностью затянулась.

Он молча натянул сапоги, надел кожаный колет и опоясался мечом.

— Уходишь? — спросила Виттория.

Вместо ответа Вентура спросил:

— Вчера… та сказка… Ты ведь рассказывала о себе? А постельничий? Это нынешний бургомистр Ольреда?

— Да. Он не оставил попыток найти меня. Сначала им владела похоть, а потом — ненависть. Но я стала слишком сильна для него. А потом приехал ты…

— А твой сын? Где он?

Тень пробежала по лицу Виттории:

— Он умер.

— Мне жаль, — вздохнул Вентура. — Ты помогла мне, лечила, но я должен…

Ведьма молчала.

— Пойми, у меня есть нерушимые принципы. Благодаря им я чувствую себя человеком, а не тряпкой, о которую каждый может вытереть ноги.

Ведьма молчала.

— Я взял за тебя деньги! — повысил голос Дайк. — А значит, я должен выполнить заказ.

— Неудобные принципы, — печально улыбнулась матушка Витта. — Откажись от них — жить станет легче.

— Тогда я потеряю себя…

— Потеряешь одну сущность — обретёшь другую.

— Я — это я! — топнул ногой Вентура. — Мне не стать другим! Я сам создал себя и не хочу отступать.

Ведьма кивнула:

— Я ждала тебя. Ты поймёшь. В погребе лежит старинная книга. Это мой подарок тебе. Возьми её, возможно, изменишь себя. Ты уже не только наёмный убийца. Ты — ведьмак.

— Прости меня, матушка Витта, — глухо сказал Дайк. — Прости неблагодарного…

Блеснул кинжал. Удар у воина был отточен годами. Точно в сердце.

Ведьма даже не вскрикнула, у неё лишь подломились ноги.

Вентура подхватил падающее тело и осторожно уложил на пол.

Долгих несколько минут вглядывался в худое лицо, оно было спокойным, умиротворённым. Казалось, матушка Витта просто уснула. А ещё на её губах застыла кроткая улыбка.

Дайк издал хриплый рык, полный жгучей тоски и злости на себя самого, затем нагнулся и срезал с головы убитой женщины седой локон. Он показался ему мягким и тёплым. Сунул за пазуху. Мрачно огляделся. Увидел кольцо подпола и двинулся к нему.

Ступени скрипели под его сапогами, когда он спускался в подвал. Там было темно, но он разглядел большой сундук. Откинул крышку. Книга лежала сверху. Дайк сунул её подмышку и полез наверх.

Когда поднимался, из книги выпал сложенный вчетверо пожелтевший листок бумаги, мягко спланировал на пол. Вентура поднял его, развернул.

Настоящей грамотой я, нижеподписавшаяся настоятельница воспитательного дома для бесприютных младенцев при храме святой Егиды, удостоверяю, что от некоей Виттории-Клементины-Фиореллы Вентура получено серебром 30 (тридцать) гат за содержание её сына Дайка Михаэля Вентуры от сего числа и до его совершеннолетия.

Сын сей отныне считается воспитанником приюта на полном пансионе: еда, одежда, лежак и обучение молитвам. Мать отказывается от него добровольно, без принуждения и посулов.

По достижении пятнадцати лет отрок сам волен уйти или остаться послушником.

Писано при свидетелях:

(подписи двух монахинь).

Печать.

В год пятидесятый от чудесного обретения мощей святой Егиды, 27 дня сентября

Да не оскудеет рука дающего.

Дайк пошатнулся, вытер рукавом выступивший на лбу пот. Прошептал:

— Святая Егида…

Он ехал прочь. Вороной, видимо, чувствуя состояние хозяина, шёл медленно и торжественно. За спиной Дайка жарко полыхал ведьмин дом. Деревня словно опустела. Лишь в окнах мелькали бледные, испуганные лица.

Вентура ехал в Ольред.

* * *

Конопатый стражник не задавал вопросов. Сразу шагнул в сторону.

Стол бургомистра, как обычно, ломился от яств. Карлос Перегрин пил дорогое вино и причмокивал от удовольствия. Хлопнула дверь. Бургомистр уставился на Дайка и расплылся в довольной улыбке:

— Ну как, мой одноглазый друг? Дело сделано, не так ли?

Вентура молча положил перед ним седой локон.

Толстяк проворно сгрёб его пухлой лапкой, придирчиво осмотрел и удовлетворённо кивнул:

— Она. Она, без сомнения.

Снял с пояса кошель и бросил на стол:

— Забирай! Заслужил.

Вентура не двинулся с места. Стоял и буравил старика недобрым взглядом.

Тот поёжился:

— Ты чего? Денег мало? Но у нас был уговор…

— Сегодня особый день, — мрачно произнёс Дайк.

— Какой ещё день? — забеспокоился бургомистр. — О чём ты?

— Сегодня я убил свою мать, — глухо ответил наёмник. — Получил дар, о котором не подозревал. И сегодня я впервые в жизни нарушил свои принципы — убил человека бесплатно…

— Какого человека?! — взвизгнул толстяк.

Ухмылка Дайка напоминала волчий оскал, когда он вытащил кинжал и шагнул к бургомистру.

Иван Густов
УГРОЗА ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Наш герой — панк. Ничем не примечательный, самый обычный представитель своей субкультуры. Если постараться дать описание, это сделает его образ зависимым. Это разрушит естество панка. Не будем этого делать.

Хаос, царивший в квартире героя, олицетворял мир после апокалипсиса. Провонявшая дымом мебель была чёрной. Горшок от давным-давно подаренного цветка превратился в пепельницу. Сухая ниточка — это всё, что осталось от растения. Последний оплот жизни, увы, заведомо обречённый на гибель.

Картину дополнял вечный смог, химический состав которого регулярно менялся. Пары этанола сменялись выхлопами углекислого газа и никотинового дыма.

Наш герой, почесав заднюю часть бедра, выбивал дробь по вымышленному барабану. Сидя в кресле перед теликом, он поглощал энергетический шквал, состоящий из скоростного ритма и перегруженных гитарных риффов. Но вот внезапно музыка прервалась, и на экране появился ведущий новостей, а поверху побежала красная строка: «Экстренные новости!»

— Какого хрена?! Какие на фиг новости? Где музло? — Раздражение ужалило противника любой политики, но потихоньку стало отпускать, по мере того как прояснялась тема внеочередного выпуска.

— Только-только мы получили кадры официального заявления президента страны Н, в котором он эмоционально обвиняет наше государство в потенциальной угрозе…

Картинка на экране сменилась, и тот самый мужчина в пиджаке на иностранном языке что-то с серьёзным видом доносил с трибуны, усердно жестикулируя руками. Там же замигал жирный красный баннер «Ядерная угроза».

— Так-так-так! Это уже интересно! — В глазах доселе сурового панка появился щенячий восторг.

Ведущий с той стороны экрана продолжал начитывать текст новостей:

— Также нам стало известно, что руководитель нашей страны сейчас находится в центре принятия решений, и введён уровень повышенной готовности для так называемого ответа на агрессию.

— Ой-ой! Такой балет, а я не в чешках! Срочно в магаз!

Накинув на себя потрёпанную косуху с шипами, мартенсы уже были на ногах, — он отправился за провизией.

* * *

Спустя некоторое время, центр города.

На мосту через канал, на фоне изящной архитектуры, примостились со своей аппаратурой девушка-журналист и её оператор. Вот-вот должно начаться прямое включение на одном из новостных каналов по сюжету о ситуации в городе.

— Давай по-быстрому, снимаем и валим из города! — дрожащим голосом произнёс оператор, всеми силами боровшийся с тремором рук. Из непослушных пальцев выпал микрофон прямо на камни. — Вот чёрт!

— Эй, ты вообще мужик? Возьми свои яйца в кулак, мы должны отснять этот сюжет. Я более чем уверена, сейчас на всех выездах глухие пробки, да и от судьбы не скрыться. Так что, ради всего святого, держи камеру прямо и перестань трястись!

Вокруг все сошли с ума. По улице бежали люди, будто в одночасье вспомнили, что забыли выключить дома утюг. Один бегун, споткнувшись, упал лицом на асфальт и тут же продолжил ползти с криками. Современное прочтение картины «Последний день Помпеи». Попробуй сохранить самообладание в такой момент.

Ещё две минуты — подготовки и началось прямое включение. В образе репортёрши, обычно модельной, словно с глянцевой обложки, на этот раз читалась некоторая несобранность. Поправив причёску, она начала рассказ:

— Мы находимся в самом центре города, и как вы можете наблюдать, здесь творится полнейший хаос. Люди в панике куда-то бегут, пытаются спастись от надвигающейся катастрофы. Никакой надежды, словно уже всё решено и до катастрофы остаётся совсем немного. Но… стоп, что это?

Её профессиональный взгляд вперился в спокойно идущую фигуру.

— Давай к нему, быстро. Сейчас расспросим, может, он просто не в курсе, — прошептала репортёрша коллеге.

Объектив поймал лицо неформала, и трансляция продолжилась.

— Добрый день, подскажите, как вам удаётся сохранять спокойствие? Вы ведёте себя чересчур обычно, словно миру не угрожает опасность и мы не находимся под прицелом наводчиков ядерной бомбы.

— Что? Угроза ядерной войны? Это меня не е…, то есть не волнует… — ответил наш герой.

— Можете пояснить, почему?

— Всё просто, дорогуша! В этом нет моей вины. К тому же есть дела поважнее.

— Можно чуть подробнее, чем вы сейчас заняты? Чем могут заниматься психически уравновешенные люди в такое критичное время?

— Ищу одного человека.

— Боже, вы потеряли родственника?

— Не, девку одну!

— Так-с! Чуть подробнее…

— Э-э-э… — Панк занёс руку, чтобы почесать затылок.

— Вы хотите сказать, что ваша девушка потерялась и теперь пытаетесь её разыскать. Вы так сильно её любите?

Ехидная улыбка засверкала на лице опрашиваемого.

— Ага! Любил! Сегодня ночью. Ха-ха. — посмеялся он, но затем нахмурил брови. — Но она взяла и свалила, вместе с моими бабками! Провались она к чёрту!

Отвернувшись, он смачно сплюнул на мостовую и грозно посмотрел в камеру. Приблизившись к оператору, панк схватил объектив руками.

— Эй, очкарик, снимаешь? — обратился он к оператору, тот панически закивал в ответ. Наш герой продолжил, тыкая пальцем в объектив. — Хорошо! Если ты меня слышишь, знай, я тебя скоро найду. Найду и вытрясу!

Сигнал камеры пропал.

* * *

День складывался как нельзя лучше. Панк вернулся домой с добычей. Он так и не смог отыскать и наказать воровку. Она, скорее всего, как и все остальные, занимается спасением своей шкуры. Но благодатная мать беспорядка открыла двери магазинов для находчивых мародёров.

Продуктовая тележка, забитая пенной провизией, не показалась такой уж тяжёлой при подъёме по лестнице на пятый этаж. Как говорится, своя ноша не тянет. В прихожей из зеркала

на него смотрела вспотевшая, но довольная физиономия. Куртка, внутренняя сторона которой отработала как полотенце, мигом отправилась в угол на своё привычное место. А наш герой поспешил занять место на диване.

Титры фильма, бегущие по экрану телевизора, известили о том, что зритель успел к началу новостного сеанса. Звонко брякнув, он достал одну бутылочку пенного из телеги и ловко избавился от крышки. Под жадные глотки, обжигающие пересохшее горло, прошла заставка. Ведущая новостей:

— И так, начнём с основной новости. Главы враждующих государств смогли найти быстрое решение конфликта, а значит, «Конец света» отменяется!

Панк, уже допивая залпом одну бутылку, брызнул после услышанного.

— Что за хрень?! — Лицо его скривилось, тело обмякло и откинулось на диван, словно выпало из души.

— Как отмечают официальные СМИ других государств, весь мир потряс сюжет, снятый в нашем городе.

На экране следом за демонстрацией дружелюбных лиц президентов двух стран показали кадры из недавнего интервью, в котором участвовал наш герой.

— Всех поразила история о том, как парень, наплевавший на потенциальную угрозу, искал свою любовь, чтобы выразить свои чувства. Когда этот материал дошёл до руководителей враждующих стран, их сердца растаяли. Они тут же приступили к пересмотру ценностей. Ведь настоящая любовь сильнее любого соперничества.

Челюсть панка отвисла, когда он увидел своё лицо в ящике с улыбкой. Эти журналюги смонтировали историю, словно это любовный роман, а он — чёртов Ромео. Его чуть не вырвало от мысли, что он спас мир и стал настоящим героем.

— Президенты связались по телефону и заключили перемирие. Остановлена любая эскалация конфликта. От лица всех мирных граждан хотела бы поблагодарить тебя, ты наш герой! — девушка говорила, а в её мокрых глазах играли блики от студийных ламп.

— Чёрт, они ещё и издеваются!

Он с криком бросил бутылку в телевизор. Ну хоть что-то вдребезги, как небольшое утешение для панка.

— Сходил за пивом!

Вячеслав Слесарев
ТЕЛЕГРАММА ДЛЯ ЗАЙЧИХИ АВДОТЬИ

Ласковое утреннее солнышко играло в каплях росы, повисших на лапах ёлок, так, что казалось, будто они усыпаны разноцветными бриллиантами. Птицы Волшебного леса будто соревновались, кто из них исполнит самую затейливую трель: «чил-чив-чил» — заливалась в небесах мандариновка, «бип-бип-бип» — размеренно отвечал ей из кустов кардик-желтохвост. Вдалеке река Молочка неспешно текла меж зелёных мармеладных берегов.

Зайчиха Авдотья стояла на крыльце своей избушки, а рядом в палисаднике игрались шесть её малышей. Она залюбовалась на медленно проплывающие над рекой облака: вот это было похоже на слонёнка, это как дельфин, это — медвежонок. А это… — зайчиха ненадолго задумалась, глядя на жалкий бесформенный обрубочек, — она еле заметно взмахнула лапкой, и облако превратилось в белого пушистого зайчика. — Хм, так-то лучше! — Легко поддерживать гармонию в своём мире, когда гармония у тебя внутри. Тем более, не будем забывать, что Авдотья была не обычной зайчихой, а зайчихой-Волшебницей!

Незаметно сзади к ней подошёл заяц Никодим, её муж, обнял и любовно начал оглаживать её уже надувшийся шерстяной живот — с недели на неделю семья зайцев ждала пополнение. Авдотья потянула розовым носиком воздух — казалось, даже в нём был растворён какой-то божественный покой и блаженство. Блаженство, которое продлится ещё целую вечность, блаженство, которое было всегда. Стоп. Но всегда ли? — Неважно! Авдотья упрямо потрясла своей ушастой головкой в изящной розовой шляпке, словно избавляясь от наваждения, мило улыбнулась и громко сказала: — Зайчатки! Пора завтракать!

* * *

Но нет, так было не всегда…

Телефон зазвонил, как всегда в самое неподходящее время, сразу после планёрки. На экране высветилось: «Алина, жена». Саша Савватеев, младший консультант отдела маркетинга, схватил сотовый, и пулей вылетел в коридор. Только забежав за угол, он боязливо огляделся, проверяя, нет ли поблизости коллег, и позволил себе снять трубку.

— Привет, Аля, ну что у тебя там?

— Тут такие дела. Марина Сергеевна только что звонила… — жена как будто улыбалась, произнося эти слова, словно пыталась заинтриговать, но Саша уже предчувствовал, что ничего весёлого из этой интриги не выйдет.

— Марина Сергеевна — это твой врач?

— Да, из репродуктивного центра. Она мне сказала дословно следующее: «Спешу вас успокоить, мы проверили последние тесты, у вас всё в порядке. Я имею в виду — с вашей стороны». Я ей говорю, мол: «Что это значит?» А она мне: «Теперь у нас основные подозрения по вашей проблеме — относительно вашего мужа. Дальше проверять надо уже его». Короче, говорит, нужна проверка на бесплодие, на количество и подвижность сперматозоидов. В общем, у них было окно, я тебя записала на анализы, завтра на три.

— Постой, какие анализы? — Саша почувствовал, как телефон в его руке вспотел. Последние месяцы он довольно отстранённо наблюдал за всей этой эпопеей с попытками забеременеть, за всеми этими диетами, врачами, специальными позами во время и после секса, якобы неизбежно приводящими к оплодотворению — в конце концов, если она так хочет завести ребёнка, то пусть себе балуется. Но он никак не был готов, что вся эта беда теперь перекинется на него, и потому сразу попытался отбиться:

— Я кровь уже сдавал в прошлом году, результаты анализов наверняка можно взять в поликлинике, — Саша боялся сдавать кровь. Он вспомнил первый класс, огромный шприц в руках дебелой, бесцеремонной медсестры, боль в руке и приступ, после которого он очнулся уже на кушетке от запаха нашатыря.

— Нет, кровь сдавать тебе не придётся, — ласково успокоила его жена, — это спермограмма. Надо будет сдать сперму для анализов, — просто и решительно пояснила она. Звучало это вроде бы логично и естественно, как «сдать домашку», «сдать килограмм яблок»… но сдать сперму! Боже, они с Алиной и слово-то такое раньше в разговорах не употребляли. Обычно оно как-то пряталось за расплывчатыми фигурами речи.

Он вдруг осознал, что этот танк, решивший во что бы то ни стало забеременеть, не остановится ни перед чем: ни перед грубым словом, ни перед решительным действием. Но всё же он сделал последнюю попытку:

— Кисуня, ну ведь ты знаешь, что я в нашей компании ещё на испытательном сроке, а у нас кредит и ипотека. Утром на планёрку приходил сам Агафонов, орал, требовал закрыть все заявки за полугодие. А все увольнительные у нас только через него. Попробовать отпроситься у него хоть на пару часов? — Да он за яйца подвесит того, кто осмелится на такое!

— Зая, ты не понял, — голос Алины похолодел и стал значительно жёстче, — это не обсуждается. Я буквально выгрызла для тебя это окно, там человек отказался только что, у них всё расписано наперёд, следующая очередь будет только через три месяца.

— Постой, — Саша заметил, как из-за угла в его сторону вышла небольшая процессия из каких-то солидных незнакомых мужиков в костюмах, возглавляемая начальником его отдела. Александр быстро прошмыгнул в туалет и заперся в кабинке, — так, когда ты говоришь, мне надо на эти анализы?

— Завтра, в три! — уже теряя терпение повторила его жена.

— Ах, блин, кажется, да, получается! Вспомнил. Завтра же Агафонов должен поехать на весь день на какой-то симпозиум, значит, я возьму увольнительную у его зама — это уже попроще, скажу, что мне надо в больницу.

— Ты молодец, котик, люблю тебя! — жена положила трубку.

* * *

Серая громадина поликлиники нависала над Сашей уходящими в небо этажами с бесконечными рядами тёмных квадратных окон. Сверху ветер гонял и лохматил вереницы чёрных туч, из которых то и дело начинал валить снег. Александр уже взялся за ручку двери, но тут обратил внимание на прикреплённое к стеклу объявление: «Внимание посетителей Детского отделения: корпус номер 2 временно закрыт на капитальный ремонт, приём осуществляется в Репродуктивном центре (корпус номер 7). Запись ко всем врачам производится в регистратуре корпуса номер 7. Спасибо за понимание!». Александр открыл дверь и обнаружил, что вестибюль заполнен детьми, в основном болезненного вида девочками-семиклассницами в свитерах с высоким воротом. За одной из таких девочек он и пристроился в очередь в регистратуру.

«Хорошо, ну вот подойдёт моя очередь», — судорожно думал он, стоя в очереди, — «и что я должен буду сказать? Я пришёл на сдачу спермы?» — Он обернулся, и с содроганием заметил, что прямо за ним уже стояла печальная болезненная девочка и маленький мальчик, пришедший со строгой мамой внушительных размеров, на лице которой была написана решительная приверженность традиционным нравственным ценностям. «Ну ладно, скажу: „у меня спермограмма“, в конце концов, это почти как телеграмма», — успокаивал себя он, комкая в потных ладонях бумажку с фамилией врача.

К тому моменту, когда он подошёл к окошку, за ним уже скопился хвост, человек из двадцати, разного пола и возраста.

— Что у вас? — спросила регистраторша — полная тётка в очках, продолжавшая машинально заполнять свои бумаги.

— Спермограмма, — тихо выдохнул Саша.

— Что? — тётка типа не поняла, и теперь оторвала глаза от бумаг и посмотрела на него с интересом в упор.

— Спермограмма. Мне надо сдать сперму… на анализы, — уже густо краснея, сказал Саша погромче. В этот момент справа из очереди раздался заливистый девичий смех. Смеялись две девчонки-подружки, видимо, пришедшие вместе. Возможно, смеялись они над чем-то своим. С другой стороны, его слова они тоже наверняка должны были слышать. Саша понимал это, и от этого осознания кровь застучала у него в ушах. В этот момент Вселенная и больница вроде бы должны были уже над ним сжалиться, скомкать неудобную беседу и просто выдать ему в руки карточку, указав номер кабинета. Но не тут-то было! Лицо регистраторши перекосила гримаса задумчивости, она повернулась в сторону и крикнула в дальний конец помещения:

— Марин! Тут парень на спермограмму пришёл!

— Чё? — глухо послышалось откуда-то из-за шкафа.

— Чё-чё! — передразнила её регистраторша, — Тетеря глухая! Говорю, мужик пришёл сперму сдавать, а у нас сто тридцать вторая под детского ЛОРа ушла. Куда его посылать?

— Посылай в четыреста восемнадцатую, лаборатория по спермограмме теперь на четвёртом этаже.

— Так, молодой человек, — оживилась регистраторша, — вот вам карточка, вот номер кабинета, там вас встретит медсестра, она вам скажет, что дальше делать.

Саша взял бумаги и краем глаза покосился на очередь — она замерла, притихла, и, казалось, теперь вся смотрела на него. На деревянеющих ногах он развернулся и поковылял в сторону лестницы. Прямо рядом с ним бабуля надевала зимнее пальто на мелкого карапуза. Шарф выпал из её рук, её взгляд выражал какое-то предельное негодование, переходящее в некое недоверие. Всей своей замершей позой, головой, осуждающе качающейся из стороны в сторону, она как бы говорила: «Не думала я, что доживу до того, что увижу такого ушлёпка, как ты. Ан, нет же, дожила!» Но что поразило Александра ещё более, даже её румяный розовощёкий карапуз как-то скабрезно осклабился, когда он поравнялся с ним, и метнул в его адрес лукавую, даже какую-то гнусную усмешку.

Не помня себя, Саша бежал по лестнице на четвёртый этаж, а кровь отбивала в его висках тяжёлые, будто стопудовые мысли: «Всего этого не может быть! Такое не могло произойти со мной!».

Стол перед четыреста восемнадцатым кабинетом был вынесен наружу, за ним сидела медсестра репродуктивного центра. Нет, это была не та игривая сексуальная медсестра, которую можно было бы ожидать в таком месте — в мини-юбке, с огромной грудью, выбивающейся из-под не до конца запахнутого халатика и неизменным красным крестом на чепчике. Эта своим видом была больше похожа на бульдозер: где-то метр-пятьдесят ростом, и примерно столько же в ширину и толщину, возраста — неопределённого, ей могло быть одновременно и сорок, и шестьдесят, на её мясистом лице застыло непреклонное и суровое выражение всё того же бульдозера.

— А, Савватеев, сперму сдавать? — сказала она, разглядев карточку, и быстрым движением вынула из-под стола пластиковую закручивающуюся баночку с бумажным формуляром, прикреплённым резинкой. — Идите за мной. Уже куда-то ведя его по коридору, она продолжала: — Вот контейнер. Собирать надо сюда. Они завернули в очередное ответвление коридора. Медсестра зазвенела ключами, открывая неприметную белую дверь без обозначений. — Сейчас в этой комнате вы соберёте свой материал, сперму, то есть, в баночку. Можете не спешить. Как закончите, принесёте всё мне в четыреста восемнадцатый. Всё понятно?

Саша, стоя у белой двери без обозначений, огляделся вокруг, и то, что он увидел, заставило его похолодеть. Прямо напротив этой злосчастной двери, на скамейке, обитой красным кожзамом, сидел сам Агафонов Эрнест Исаакович — его директор, собственной персоной! Очки, строгий костюм, всё то же самое, что было на нём и на работе. Он, конечно, уже заметил Сашу, и, очевидно, слышал последние сентенции медсестры про неспешный сбор биоматериала в уединённой комнате, и теперь к его обычному постно-скептическому выражению лица добавилось некое саркастическое оживление.

Увидев начальника, Александр сначала остановился и даже слегка попятился назад. Инстинктивно хотелось сбежать, скрыться куда-нибудь подальше, но он вовремя взял себя в руки. «Нельзя показывать виду, что ты в шоке», — пронеслось у него в голове, «надо вести себя так, будто всё нормально». Он изобразил на лице кривую придурковатую улыбку, шагнул в сторону скамейки с директором и протянул ему руку: «Эрнест Исаакович, здравствуйте». Директор пару секунд скептически смотрел на его руку, потом, как бы недоумевая и нехотя, пожал её:

— А я вот тут взял отгул на полдня… — зачем-то продолжил Саша. — В общем, я сегодня это… во второй половине в отгуле, а в первой половине… короче, тружусь.

— А, трудишься! — как бы что-то резко поняв, протянул Эрнест Исаакович, — ну давай, трудись! — добавил он, и с язвительной усмешкой посмотрел на белую дверь.

Пятясь задом, держа одной рукой банку, Саша зашёл наконец в эту злосчастную дверь и затворил её за собой. «Чёрт! Чёрт! Черт!» — только и прошипел он. Взгляд директора, ещё секунду назад, направленный на эту комнату, казалось, беспрепятственно проникал сюда, наподобие рентгена. Дверь закрывалась только на ключ, никаких защёлок, задвижек и вертушков изнутри предусмотрено не было. Комната была маленькой и тускло освещённой. Даже, скорее, это была не комната, а большая кладовка.

Вся её мебель состояла из столика, приставленного к стене. На столике лежали журналы. Александр взял тот, что был ближе к нему — «Караван историй» с Тиной Канделаки на первой странице. Хищные черты лица Канделаки, энергичной грузинской бизнес-леди, сейчас казались скорее устрашающими, чем манящими, и он поспешно отложил журнал в сторону. Следующим был журнал «Работница». Саша с удивлением посмотрел на название — да, его ещё выпускали! На обложке красовалась фотография довольно приятной женщины в белой вязаной кофточке. Выглядела она как-то уютно, по-домашнему. С такой бы хотелось выговориться по душам, ну или послушать колыбельную в её исполнении, но в качестве сексуального партнёра её образ как-то не монтировался в сознании. Тогда Саша взял последний, третий журнал. Одно его название уже озадачивало: «60 лет — не возраст!» На тонкой фотообложке красовалась бабуля в закрытом бордовом купальнике, которая спускалась по лестнице в прорубь посреди заледеневшей зимней реки, при этом кокетливо улыбаясь в камеру. Жизнеутверждающая надпись крупным шрифтом справа гласила: «За здоровьем — на реку, и летом, и зимой! (стр.7)» Саша осознал, что это был последний журнал, и машинально попытался оценить привлекательность бабулиной фигуры, но тут же, словно спохватившись, со словами: «Да ну, нет, нафиг!», тоже отложил его подальше, причём обложкой вниз. Исходя из чисто логических рассуждений, оставалась только «Работница». Александр расстегнул ширинку, сосредотачиваясь на целомудренно прикрытой, но всё же хорошо очерченной груди работницы, примерно второго размера.

И тут он отчётливо услышал шорох за дверью. Сознание его сразу же вернулось к тому факту, что рядом, буквально в двух метрах за стеной сидит его босс. «А ну как он просто подойдёт и приоткроет дверь? Просто чтобы посмеяться над ним, и рассказать потом кому-нибудь в курилке, как их сотрудник позорно спалился?» — От одной этой мысли ему стало не по себе, снова заколотило в висках и защемило в затылке. На секунду возникла мысль: «Уйти, просто плюнуть на всё и сбежать из этой проклятой больницы!» — но он понимал: не

получится. Если его Алина взялась за дело, то она уже так просто не отступится, будет клевать его, месяцами, а если надо, то и годами, так что рано или поздно весь этот позор придётся проходить заново. Ещё и дверь эта не закрывается никак, и подпереть нечем — он покосился на белое полотнище, из-за которого доносились какие-то подозрительные шарканья. Делать было нечего: он подошёл к двери и подпёр её левым плечом — теперь распахнуть её просто так уже не удастся. Правой рукой он положил Работницу на край стола и занялся делом.

Через несколько минут Саша с ужасом обнаружил, что его дружок даже и не думает переходить в боевое состояние. Удивительное дело: сердце дико ухало, кровь била в виски, а его мужское достоинство, такое ощущение, просто атрофировалось. «Ну вот, Шурик, теперь ты ещё и не мужик!» — тревожно пронеслось у него в голове, и он продолжил своё дело с ещё большим остервенением. В ушах у него всё это время раздавался нарастающий гул, который, достигнув своего пика, вдруг в один момент стих. И тогда Саша услышал вежливое, даже учтивое покашливание. Оно раздавалось откуда-то от противоположной стены. Александр прищурился, разглядывая стену. Это была серая, небрежно выкрашенная стена, краска на ней потрескалась, местами отвалилась, формируя причудливые пятна. Только сейчас Саша заметил, что пятна эти немного шевелятся, словно проявляя находящуюся за ними сущность. Ещё немного, и сущность эта проявилась окончательно, стала совсем очевидной: на него смотрел, улыбаясь, серый цирковой слон, с щегольским чёрным цилиндром на голове.

— Гх, гх, надеюсь, я вам не сильно помешал? — осведомился слон добрым басовитым голосом. Он вышел на пару шагов из стены и, раскачивая хоботом, уставился на Сашу.

— О нет, нисколько! — успокоил его Александр, — я уже в таком состоянии, что мне трудно было бы помешать, — он вынул из ширинки уже зашедшуюся в спазме правую руку и с удовольствием опустил её вниз.

— Ах да, я совсем забыл представиться, — сконфузился внезапный гость, — Слон Соломон. — Он слегка поклонился, сгибая передние лапы.

— А меня зовут… — начал было Саша, но слон его неожиданно прервал:

— Подожди! Как бы тебе в поспешности не наговорить чего лишнего. Ведь мы сами можем определять, кем мы являемся. Кем мы хотим быть. Куда нас тянет по природе. Ты меня понимаешь? Вот ты. Тебе хорошо быть тем, кем ты был всё это время? Тебе хорошо… жить?

И тогда Саша задумался. И вся его жизнь как бы единомоментно предстала у него перед глазами: и брак, который он заключил «по залёту», хотя как потом оказалось, никакого ребёнка на самом деле и не было, и все эти кредиты, которые он брал, хотя решения их брать он не принимал, на вещи, которые он соглашался покупать, хотя ему они и не были нужны. И этот будущий ребёнок, мысль о содержании и воспитании которого его только тяготила. И его работа, которая вызывала у него лишь одно чувство: бесконечный страх, страх перед начальниками и коллегами, перед своей некомпетентностью, страх перед будущим, выливавшийся в постоянные ежедневные поносы. У него всё так уже разладилось внутри, что он и не помнит, когда в последний раз ходил в туалет по-нормальному, нормальной твёрдой какашкой, а не этой водичкой…

Внезапно он осознал, что проговаривает всё это вслух, рыдая и прижимаясь щекой к тёплому морщинистому брюху слона.

— И между тем, каким бы всё ни казалось запутанным, — торжественно протрубил слон, — я должен тебя уведомить, что как разумное сознательное существо, на самом деле ты в любой момент совершенно свободен! Ты сам выбираешь свою судьбу: быть всегда с теми, кто тебя любит, или вечно оправдываться перед теми, кто не даст тебе оправдаться никогда!

— То есть, это как я «выбираю»? — удивлённо раскрывая заплаканные глаза, спросил Саша.

— А вот так! — слон вдруг ловким движением хобота вынул что-то маленькое из разноцветной, разрисованной цветами сумки, непонятно как оказавшейся на его плече. Конец

хобота приблизился к Александру, и он увидел, что хобот — это такое подобие толстого шланга с двумя дырочками. Своими краями этот шланг сжимал нечто. Присмотревшись, Саша разглядел, что это была белая, довольно крупная пластиковая капсула.

— Всего одна таблетка, — торжественно продолжал слон, — и ты получишь ту жизнь, которой достоин, жизнь, для которой ты рождён. Выбирай!

— Не совсем понятно, в чём тут выбор, — капризно проворчал Саша, — по классике надо выбирать между двумя таблетками. А ты мне предлагаешь выбирать из одной…

— Что тут непонятного?! — грозно и обиженно вдруг взревел Соломон. Его надбровные дуги нахмурились, а вид стал суровым. — Ты можешь съесть эту таблетку и оказаться в наилучшем мире своей мечты, а можешь не есть её, и попытаться продолжить мастурбировать на журнал «Работница», одновременно подпирая плечом эту чёртову дверь! Ну что же, пока! Мне кажется, я только зря теряю время. — Слон медленно развернулся и даже затопал ногами на месте, изображая, что собирается уходить.

— Постой! — взмолился Саша, — я согласен. Конечно, согласен.

— То-то же! — слон зачем-то огляделся по сторонам и вручил белую капсулу, которую Саша тут же и проглотил. Сначала он не почувствовал вообще никаких изменений.

— Кстати, — вдруг заметил слон, — ты можешь больше её не подпирать, — и указал хоботом ему за спину.

Александр с изумлением посмотрел на дверь, контуры которой теперь словно растворялись в стене. Да и сама стена, у которой он стоял, сначала из серой превратилась в кирпичную кладку, потом в каменную, наподобие песчаника, потом вообще оказалось, что они стоят в пещере, стены которой пульсируют, тихонько гудя. Слон напряжённо прислушался, оттопырив одно ухо:

— Кажется, континуум, который ты покидаешь, начинает схлопываться, — заметил он. — А схлопывается он ровно по той причине, что ты его покидаешь. Пора нам уже давать отсюда дёру, — с этими словами он наклонился и будто бы приподнял хоботом дальний край то ли комнаты, то ли пещеры, где они оказались. Приподнял, как приподнимают занавес в театре.

За этим занавесом открылась яркая зелёная полянка, на которую лился свет из высокого безоблачного неба. После тёмной комнаты это было очень ярко, так что Саша инстинктивно закрыл руками лицо. Впрочем, вскоре он заметил, что это были уже не совсем человеческие руки: с каждой секундой они становились всё меньше, и обрастали серой пушистой шерстью, пока наконец он с умилением не подумал: «какие милые лапки!». Оглядев себя, он тоже заметил, что одежды на нём больше нет, зато он весь теперь покрыт серым мехом, а оглянувшись назад, он обнаружил в районе копчика пушистый хвостик с белой кисточкой. Только теперь Саша различил какое-то движение и радостную музыку, доносившуюся с солнечной полянки. Приглядевшись, он увидел множество волшебных животных: разумных медведей на задних лапах, больших задумчивых птиц, антропоморфных ежей, несущих фрукты на своих игольчатых спинах, мудрых тётушек-сов, и многих, многих других. Он вдруг понял, что все они вышли встречать именно его. От радости он встал на все четыре лапы и весело поскакал им навстречу.

— Отныне нарекаешься зайчихой Авдотьей! — величественно произнёс слон Соломон, и, словно благословляя, помахал ей вслед хоботом, — великой волшебницей Сказочного леса! — и потом еле слышно добавил: — давай, вперёд, девочка моя!

К тому моменту Авдотья уже вовсю мчалась навстречу прекрасным волшебным зверям. Когда она уже приблизилась к пёстрой разношёрстной толпе, оттуда вдруг вышел довольно крупный, весьма симпатичный и мужественный заяц и, улыбаясь, протянул ей огромную оранжевую морковку с зелёным хвостиком:

— Это тебе! С возвращением, милая. — Не помня себя от радости, Авдотья схватила морковку и упала в его мягкие и крепкие объятия. Вдруг, откуда ни возьмись, протискиваясь между птиц, барсуков и разумных лошадей, с криками: «Мама! Мама!» — к ней выбежали

шесть милых, пушистых зайчат. Зайчика как-то вполне естественно осознала, что прекрасно помнит их всех, и стала называть детей по именам: «Авакум, Аглая, Ермоген, Параскева, Трифон, Акулина». Зайчата прижимались к её ногам, а она обнимала их всех — это ли было не самое настоящее счастье?!

* * *

Галина Сергеевна Савватеева, маленькая волевая женщина за пятьдесят, с припухшими от слёз глазами, решительно ворвалась на второй этаж психиатрической клиники сразу после утреннего обхода. Главврач хотел было проводить её вон из закрытой зоны больницы, решительно взяв за локоток.

— Доктор, я мать Саши Савватеева! Я только что приехала. Скажите мне, что они с ним сделали?!

— Савватеев? — уже удовлетворённо переспросил главврач, пряча в рукаве халата только что полученную красную бумажку. — С ним, как ни странно, всё в порядке, в физическом плане — ни кровоподтёка, ни царапины. Сердце, мозг — тоже без органических повреждений. Но он никак не реагирует на окружающий мир. С того самого дня, как нам его привезли, он находится в глубоком кататоническом ступоре. Но не переживайте, у нас есть наработанные подходы к таким больным, он сейчас получает лечение…

— Постойте! Это он?! — Галина Сергеевна вдруг узнала в пациенте на койке за стеклянными дверями своего сына. Он лежал в кислородной маске, голова и руки его были опутаны проводами датчиков, какой-то бугай в белом халате прижимал к его вискам два электрода. При этом руки и колени у сына тряслись, а лицо было перекошено гримасой боли.

— Вы что, пытаете его электрошоком?! — мать решительно ворвалась в процедурную.

— Постойте, это не электрошок! — пытался остановить её врач. — Это обычная электросудорожная терапия, последняя наша надежда, все обычные препараты не дали никакого отклика.

Мать в рыданиях наклонилась над содрогающимся от электрических разрядов телом, которое когда-то было её сыном:

— Саша! Сашенька! Саша!

* * *

За окном хмурый ненастный день, а в избушке зайчихи Авдотьи как всегда тепло и уют. Мама-зайчиха сидит в кресле-качалке и вяжет крючком распашонку для своего зайчонка. Заяц Никодим, её муж, подложил в камин несколько свежих поленцев и поправил горящие дрова кочергой. Согретые уютным теплом камина, притихшие зайчата собрались подле матери, облепив её со всех сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.